

ЛИНГВОКОГНИТИВНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ В АСПЕКТЕ СУБЪЕКТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

LINGUOCOGNITIVE MODELING IN ARTISTIC DISCOURSE IN THE ASPECT OF SUBJECT ORGANIZATION

O. Starodubova

Summary. The article is devoted to the study of the mechanisms of linguistic-cognitive modeling in artistic discourse based on the material of the poetry O. Mandelstam in order to identify patterns of dynamics of the processes of conceptualization of reality (basic conceptual values) associated with changes in historical and cultural circumstances, correction of ethnocultural code and mechanisms of its explication in the aspect of subjective organization of the text. The subject in artistic discourse becomes an invariant of conceptual meanings.

Keywords: linguo-cognitive modeling, conceptualization of reality, artistic discourse, author's modality, subjective organization of the text, conceptual metaphor.

Стародубова Ольга Юрьевна

*К.филол.н., доцент, ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»
oystarodubova@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию механизмов лингвокогнитивного моделирования в художественном дискурсе на материале поэзии О. Мандельштама с целью выявления закономерностей процессов концептуализации действительности (базовых ценностей), связанных с изменением историко-культурных обстоятельств, коррекцией этнокультурного кода и способов его экспликации в аспекте субъектной организации текста. Субъект в художественном дискурсе становится носителем этнокультурного кода, инвариантом концептуальных смыслов.

Ключевые слова: лингвокогнитивное моделирование, концептуализация (категоризация) действительности, художественный дискурс, авторская модальность, субъектная организация текста, концептуальная метафора.

*В действительности все не так,
как на самом деле*

А. Экзюпери

Введение

Анализу художественного текста посвящен целый ряд исследований. Особенно актуальным в рамках антропоцентрической парадигмы и глобализации становится аспект *моделирования картины мира* с точки зрения лингвистических механизмов вербализации когнитивной деятельности творческого субъекта. *Актуальность* исследования связана также с его междисциплинарным характером: художественный текст рассматривается на стыке когнитивной лингвистики, этнопсихолингвистики, лингвостилистики, лингвопрагматики, риторики, теории дискурса, герменевтики и литературоведения.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что в ней предлагается *методика* интерпретации текста с точки зрения *субъектной организации*: устанавливаются лингвистические механизмы моделирования базовых (константных) концептов сквозь призму участников коммуникативного процесса текстовой организации и затекстовой действительности. При этом субъекты *эксплицитные* и *имплицитные* представля-

ют собой *инварианты* авторской ценностной системы, закрепленной в тексте, который, являясь фрагментом художественного дискурса (с учетом герменевтического круга), становится одновременно *порождением* действительности (историко-культурного, биографического контекста, включающего целый ряд идентичностей автора — от национальной, социальной до гендерной, возрастной и т.д.), и *средством ее интерпретации*, а также *инструментом воздействия* на сознание общества (перлокутивная функция художественного дискурса).

Результаты исследования могут быть применены в практике интерпретации художественного дискурса, а также в преподавании теории текста и дискурса, этнопсихолингвистики и т.д., кроме того, выводы вносят определенный вклад в разработку проблемы речевого субъекта.

Текст и его понимание как способ моделирования картины мира

Базовым положением когнитивной лингвистики является утверждение о том, что при помощи языка мы не описываем окружающий мир, а моделируем его. Одним из ярких примеров такой модели является поэзия как фрагмент художественного дискурса.

Характер и механизмы концептуализации действительности обусловлены спецификой историко-культурных обстоятельств жизни этноса и мира в целом, а также особенностями языковой картины мира. Художественный текст представляет собой лингвокультурный маркер языковой личности его автора, национальной ментальности в целом и эпохи.

Исходя из диалогической природы текста (концепция М. М. Бахтина) в процессе концептуализации задействованы две стороны: автор и читатель. В. З. Демьянков отмечает, что «Текст не обладает смыслом сам по себе: значения привносятся в тексты говорящими и слушающими, ... интерпретация скорее состоит в создании значения» [5, с. 54]. Интерпретация текста читателем определяется *пресуппозицией* и опирается на его концептуальную систему.

Понимание представляет собой процесс, построенный на взаимодействии концептуальных систем автора и читателя. В психолингвистике признается прямая зависимость семантической адекватности восприятия текста от степени общности концептуальных систем продуцента и реципиента [14, с. 145].

Нередко смысл, заложенный творцом, значительно корректируется реципиентом. Личностные особенности и идентичности читателя (национальная, гендерная, социальная, эпохальная и т.д.) в процессе декодирования смысла и конструирования текстовой модели позволяют ему строить собственную проекцию (*вторичная лингвокогнитивная модель*), определять вектор понимания и систему координат и доминант текста относительно момента. Таким образом, «...исходная когнитивная база реципиентов, хранящая культурно-детерминированное знание, опыт, ценностные установки и стереотипы, оказывает влияние на формирование ментальной репрезентации содержания...» [3, с. 61]. При этом следует учитывать, что диалог автора и читателя может быть вариантом диалога эпох, что существенно влияет на процесс перцепции текста, поскольку с течением времени даже в пределах одного этнокультурного кода происходят некоторые изменения не только вербального кода, но прежде всего ментального, концептуального. Таким образом, читатель, воспринимая авторскую текстовую модель действительности, пропускает ее сквозь призму когнитивной модели в пределах парадигмы своей эпохи. В ходе диалога происходит *интерференция* моделей и, как следствие, создание нового варианта, подводящего «итоги особого периода в концептуализации и категоризации выбранного в нем фрагмента мира» [6, с. 23]. При этом «реальная действительность презентуется в ментальной деятельности индивида как система концептов», а «функциональную деятельность по станов-

лению и интерпретации смысла» эксплицирует слово [15, с. 118].

Роль субъекта в лингвокогнитивном моделировании

Читатель (как воспринимающий субъект) в процессе интерпретации текста проводит оценочную вторичную концептуализацию для того, чтобы вмонтировать получаемый текст в иную систему координат. Исходя из представления о сознании индивида как о поле интерпретации личностных смыслов художественного текста, В. А. Пищальникова подчеркивает, что в этом случае «личностный смысл объединяет различные представления о какой-либо реальности — от визуальных до вербальных», а «каждый признак реальности, отраженной в личностном смысле, может стать знаком ее и вызывать ассоциации, связанные с данной реальностью» [16, с. 44]. Реальности (в том числе относящиеся к *субъектной организации текста*), вербализованные в художественном дискурсе, идентифицируются с определенным историческим периодом и в сознании носителей языка ассоциируются с фрагментами отдельной лингвокультуры. Итак, слово в художественном тексте сопровождается комплексом маркированностей: от контекстуальной до историко-культурной, социальной, национальной и т.д.

Таким образом, одной из центральных текстовых категорий является *субъект* в двух ключевых аспектах — *внутритекстовый* (*эксплицитный* и *имплицитный*), включающий инварианты авторского *я*, и *затекстовый* — воспринимающий, интерпретирующий с учетом социокультурной и других идентичностей. В связи с этим текст существует, живет только в процессе его восприятия, при реконструкции читателем прямо не выраженной части его содержания (пресуппозиция, историко-культурный контекст), а предполагается известной читателю и привносится им в процессе создания художественного дискурса в новую модель современной ему действительности [7, 8].

Субъект как носитель базовых этнокультурных концептов

В процессе лингвокогнитивного моделирования субъекты наполняются концептуальным содержанием, обладают свойством полиапеллируемости, т.е. реализуются при помощи целого ряда ресурсов языка. Именами концептов, по мнению С. Г. Воркачева, является ограниченное число культурнозначимых единиц: абстрактные сущности [4], феномены, обозначаемые безэквивалентными лексемами [13].

Первостепенной задачей транслятора знаний (культурных кодов) является обозначение следующей установки восприятия текста как исходной точки *объективной*

атрибуции: глубинный смысл, концепция любого произведения всегда контекстуальна, т.е. неразрывно связана с характером эпохи, на фоне которой формируется авторская модальность. Существует множество *методик понимания*, интерпретации текста, ни одна из которых не является всеобъемлющей, исчерпывающей, самодостаточной и абсолютно объективной, и *задача* исследователя в этом смысле заключается в том, чтобы попытаться найти тот ориентир, который является отправной точкой, исходным моментом психолингвистического механизма порождения текста, позволяющий максимально объемно, панорамно видеть архитектуру, несущую конструкцию здания под названием авторская модель мира.

Если исходить из того, что текст — это модель действительности, авторский мир, то в нем должны быть *время, пространство и субъекты*, которые образуют несущую конструкцию, эксплицируемую при помощи ресурсов языка. По убеждению Н. Хомского, язык нам дан не для коммуникации, он является средством сложно организованного процесса мышления, в ходе которого и происходит конструирование модели мира. Установление языковых ресурсов, представляющих *субъекта как носителя базовых этнокультурных концептов*, на основе когнитивной интерпретации позволит смоделировать содержание концепта как «глобальной ментальной (мыслительной) единицы в ее национальном (возможно, и в социальном, возрастном, гендерном, территориальном) своеобразии и определить место концепта в национальной концептосфере» [18, с. 78].

В каждом субъекте заложен инвариантный смысл авторской аксиологии, а также эпистема эпохи. Субъект при этом (герой, повествователь, рассказчик и т.д.) становится концентрированным фрагментом авторской модальности, в нем постепенно концептуализируется некая ценностная константа, с одной стороны, а с другой, он сам становится *ступенью концептуализации смысла*, его референтом, а антропоним — *прецедентным именем*. Например, героиня одноименной новеллы П. Мериме «Кармен» в современной действительности, уже помимо воли автора, становится прецедентным именем, носителем концепта свободы, феминности — такова эпоха, затекстовая действительность, по законам которой живет автор и его текст. Указанная методика представляется также относительно объективным способом трактовки гипертекста — творчества автора, поскольку предполагает вычленение типизированных субъектов — носителей определенного концептуального смысла.

Анализ лингвокогнитивного моделирования субъекта

В качестве иллюстративного материала обратимся к стихотворению О. Мандельштама «Импрессионизм»

с целью выявления особенностей лингвокогнитивных механизмов моделирования текстовой реальности на фоне ее субъектной организации, а также обратим внимание на то, какие метаморфозы претерпевает авторский конструкт в связи с изменением историко-культурных обстоятельств.

Любое произведение принципиально *полисубъектно*, поскольку в мир, смоделированный автором, включается читатель, само повествование принадлежит лирическому герою, рассказчику и т.д., сквозь призму сознания которого воспринимается происходящее, а условный монолог при ближайшем рассмотрении трансформируется в диалог (полилог) или дискуссию с оппозиционным собеседником.

Эпоха Серебряного века в силу исторических обстоятельств — кардинальной ломки сознания, отрицания всех прежних стереотипов, деформации этнокультурных и вненациональных базовых ценностей, а также возникающим в связи с этим мотивом одиночества и поисков порождает особенности поэтического текста, для которого принципиальной становится ситуация *двоемирия*, идет процесс поисков новой парадигмы, нового героя, ценностных ориентиров, т.е. художественного моделирования действительности сквозь призму уточнения составляющих оппозиции *своего* и *чужого*. В связи с этим следует отметить концепцию множественности смыслов (*солипсизм*) и *импрессионистичности* их истолкования, которой придерживаются представители интерпретационизма в языкознании, возникшего на почве философии позитивизма. Однако необходимо помнить, что спектр смыслов, множественность интерпретаций ограничивается пресуппозицией и объективными языковыми данными, при помощи которых автор концептуализирует действительность, моделирует пространство текста. Таким образом, художник всегда оставляет следы своего присутствия, задавая систему координат, вектор интерпретации.

Импрессионистический мир О. Мандельштама в стихотворении 1932 г. «Импрессионизм» *полисубъектен* и содержит отсылку к произведению живописи (*интертекстуальность* как атрибут современного текста) — полотну Клода Моне «Сирень на солнце», под впечатлением которого и был написан текст, повествующий о глубоком обмороке сирени. Таким образом, произведение О. Мандельштама представляет собой *поликодовый* текст — интерференцию, синтез двух видов искусства: живописи и поэзии, точнее — эксплицированный вариант — вербализованная картина.

Субъектная организация в тексте представлена оппозицией *свое* — *чужое*, которая получает следующее наполнение: противопоставление *Художника* (*твор-*

ца) и всех остальных — представителей власти (тоталитарность, враждебная свободе, творчеству, человеку), быта (мещанство). При этом наиболее значимые субъекты, являющиеся носителями базовых ценностей (*свое*), вневременных концептов (*человек, искусство, природа*) выражены *прямой номинацией*, а представители чуждого, временного, мещанского, политического мира — преимущественно *атрибутивной* или формой *обезличенного множественного*. Например, «*свисток иль хлыст*» — атрибуты тоталитарного дискурса, власти. Или: «*повара на кухне готовят жирных голубей*» — субъекты во множественном числе как символ мещанства (утрата индивидуальности, ценности субъекта, а значит, личностной идентичности) [10, с. 174].

В основе лингвистических механизмов конструирования субъекта как инварианта (носителя определенной идеи, смысла) — концептуальная метафора — онтологический тип: концепт *власть*, закрепленный в обобщенных носителях, лишенных личностной идентичности, а точнее в их атрибутах (*свисток, хлыст*), с другой стороны — «*повара на кухне готовят жирных голубей*» можно интерпретировать как структурную бытовую метафору политической кухни — отрицательная коннотация указанных субъектов задает вектор авторской интерпретации, оценки политического (властного) и мещанского.

Заметим, что последние составляют эксплицитно более многочисленную часть оппозиции. Так О. Мандельштам фиксирует реально существующую опасность утраты генома Гомера (концепт *человек*) в современном ему мире через множественность негатива: *статусное именование субъекта или атрибутивное, при котором герой выполняет роль детали (объекта) глобального социально-политического интерьера*.

В стихотворении представлен и другой тип номинации субъекта: через субституцию имени — местоимение *нам*: «*Художник нам изобразил...*» — прием *интимизации*, объединяющий субъекта, глубоко ценного автором, с читателем, который априори принимает означенный ценностный конструкт от автора с благодарностью за включенность его в новую модель реальности. Примечательно, что подобная субъектная организация актуализирует в нашем сознании стереотипную ситуацию экскурсии — так происходит знакомство читателя с новым миром, в котором уже помимо воли Художника что-то смутное угадывается и «*хозяйничает шмель*», замыкающий ряд эксплицитированных субъектов стихотворения, концептуализирующий базовую ценность — *Природу*. Заметим, что это принципиально невозможный в технике импрессионизма объект изображения, а значит, картина оживает — и в этом ценностный авторский конструкт,

наполненный творчеством как спасением от хаоса событий, мыслей и тотального одиночества человека в тоталитарную эпоху.

Следует отметить также, что творчество О. Мандельштама проникнуто духом эллинизма (читаем: в том числе гуманизма, антропоцентризма), в рассуждениях о котором поэт подчеркивает значимость объектов, окружающих человека и организующих его быт: «Эллинизм — это печной горшок, ухват, ...домашняя утварь, посуда, все окружение...это сознательное окружение человека утварью, вместо безразличных предметов, превращение этих предметов в утварь» [11, с. 75–76]. Именно поэтому тема домашнего быта, хозяйства актуализируется через обращение к указанному субъекту (шмель). Кирилл Тарановский отмечает «эротические коннотации...обертонны» образов пчел (концепт трудолюбия) и меда в поэзии О. Мандельштама «...так же как и образ солнца, представляющего космическую плодотворящую силу» [19, С. 142]. На наш взгляд, указанную интерпретацию в полной мере можно отнести к *шмелю* как субъекту — носителю эротического имплицитного смысла, олицетворению плодovitости, а значит, доминанты жизни. Заметим, что в первоначальной редакции *шмель хозяйничал* в «*солнечном развале*».

Не следует забывать, что за всем этим наблюдает другая группа субъектов — *закадровая*: экскурсовод как компетентный лидер, ведущий зрителей в незыблемый мир природы и искусства, ведь жизнь коротка, а искусство вечно. А потому Человек перестает быть одиноким, погружаясь в пространство текста. Так, коммуникативная ситуация становится усложненной...[9]

Глубокий обморок сирени интерпретируется как *катахреза* весны или *онтологическая* метафора — персонифицированная природа (еще один самодостаточный *субъект*), на фоне чего происходит отождествление концептов *человек* и *природа*. Автор подчеркивает не только их единство, нераздельность, но и одинаковую значимость на фоне контекста первой строфы — синтагматика концептуальной метафоры. Первая часть стихотворения представляет собой реализованную метафору кухни художника в трактовке экскурсовода. Сопровождение действий субъекта глаголами прошедшего совершенного (*изобразил, положил*) в сочетании с сильной, категоричной мужской рифмой подчеркивает неоспоримый и состоявшийся факт наличия концепта *искусство* в отличие от синтагматики концепта *власть* в третьей строфе. Атрибутивные и статусные субъекты власти и мещанства сочетаются с глаголами настоящего несовершенного (*свисток иль хлыст, как спичка, тухнет... повара готовят*), при этом их грамматическая семантика

ограничивает время существования — *здесь и сейчас*, подчеркивая временность испытаний, которые необходимо пережить читателю на фоне социальных и культурных катастроф.

Креативная окказиональная метафора *красок звучные ступени* подчеркивает разнообразие мира, неомогенность концепта *искусство*. Метафорическая модель *природа — лиловый мозг* (вариант онтологической метафоры *природа — человек*) включает указанную базовую ценность в систему значимых констант.

В четвертой строфе возникает еще несколько субъектов: один из них представлен атрибутивно — *недомалеваны вуали* — вариант экспликации концепта *человек* — женское, созидательное, почти блоковское загадочное начало. Атрибутом человека, точнее ребенка является *качель*, которая в формате импрессионизма Серебряного века прочитывается и как маятник (концепт *время*).

Одним из средств *глобальной когеренции* текста и в целом художественного дискурса является также *композиция*: в стихотворении она представлена антитезой (на фоне субъектной организации). Кроме того, *начало и финал* текста как сильные позиции иллюстрируют концепты *человек* (его модификация, инвариант — *творец, художник*) и *природа* (*шмель*). Указанные субъекты открывают и закрывают текстовое пространство, встречая и провожая читателя позитивной коннотацией, утверждая тем самым базовые ценности, среди которых на фоне социокультурной катастрофы нет *национальной* идентичности, но есть *антропоцентрическая* (*человеческая*).

В этом и заключается глобальное назначение истинного Творца, Демиурга — сконструировать ценностный ориентир, способный стать опорой в периоды глобальных катастроф для формирования картины мира реального субъекта (читателя), который сможет на указанной автором основе идентифицировать *свое и чужое*, определить систему базовых констант. Автор указывает негативные коннотации *чужого* и позитив *своего*.

Выводы

Художественный текст Серебряного века — *полифункциональное* коммуникативное событие, которое представляет собой вектор *критической* интерпретации социально-политического сегмента действительности, носящего временный характер, на фоне которой происходит *вытеснение* негативных (конфликтных человеческой идентичности) концептов (*власть, тоталитарный режим, социальная иерархия, мецанство* и т.д.) с одновременной заменой их базовыми (константными) этнокультурными концептами (*искусство, при-*

рода, человек). Основным лингвистическим механизмом конструирования субъектной организации сквозь призму *своего и чужого* становится *концептуальная метафора*, которая одновременно является фрагментом *глобальной когеренции* авторского конструкта. На этом фоне *субъектная организация текста* в художественном дискурсе представляет собой аспект *глобальной когеренции*. Конструируя модель действительности, автор концептуализирует мир в виде одушевленных носителей, каждый из которых содержит фрагмент архитектуры смысла. Текст как лингвокогнитивная модель становится источником познания мира [12], своеобразной эпистемой, помогает в динамике выстроить логику историко-культурного развития.

Таким образом, *национальная пресуппозиция и вненациональные исторические процессы* *предопределяют образ автора, а также лингвистические механизмы когнитивного моделирования, концептуализации действительности и, диктуя фоновую оппозицию субъектной организации (свое — чужое), продуцируют необходимую составляющую имплицита ценностной картины мира*. Поэтом художник слова, выполняя глобальное назначение искусства, конструирует свой мир с комфортной ценностной для человека средой. Отправным моментом лингвокогнитивного моделирования в этом случае является историко-культурный национальный и мировой контекст — пресуппозиция, которая закладывает точку отсчета сопротивления обстоятельствам, ведь любой текст — своего рода протест против реальной действительности — в открытой форме или имплицитно.

Особенностью лингвокогнитивного моделирования картины мира в стихотворении О.Мандельштама как представителя Серебряного века является то, что поэт, вытесняя из сознания читателя (когнитивной парадигмы) негативные концепты (*власть, политика, мецанство, тоталитаризм*) через их критическую субъектную экспликацию, замещает указанные позиции базовыми константными ценностями (*человек, природа, искусство*).

Все базовые ценности, концепты эпохи, этноса находят свое отражение в системе *субъектной организации* текста, которая, в свою очередь, становится ключом к пониманию инвариантных смыслов концептуальной оппозиции *свое — чужое*. Количество видимых, обозреваемых в тексте, эксплицированных субъектов, не совпадает с реальным — имплицитным, несомненно, при этом следует учитывать интерпретационный коридор, ведь, по справедливому замечанию М. Цветаевой, читатель — соавтор, а потому приращение смысла в зависимости от читательского контекста эпохи — это объективный показатель того, что творение автора живет уже

независимо от его воли, во внешнеположенной создателем действительности. В таком случае происходит *интерференция* лингвокогнитивных моделей автора и читателя, которое сопровождается взаимным обогащением, при этом *перлокутивное* воздействие художественного дискурса на сознание читателя становится одной из ведущих функций.

Понимание культуры и ее стержня связано с *текстом*, который, являясь феноменом культуры, хранит ментальную информацию (этнокультурный компонент) и одновременно становится катализатором мыслитель-

ных процессов [17, с. 203]. Эпистемическую природу текста подчеркивает и А.А. Брудный: «Художественная литература — едва ли не важнейший предмет понимания, способный серьезно повлиять на внутренний мир человека» [2, с. 103].

При этом герметичность текста, которую иллюстрирует агностицизм, преодолевается методикой аналитического чтения, когнитивной интерпретацией, основанной на выявлении способов экспликации субъектной организации текста сквозь призму оппозиции *свое — чужое*.

ЛИТЕРАТУРА

1. М. М. Бахтин Из черновых тетрадей / Публикация Кожина В. В./ Подготовка текстов В. И. Словецкого // Литературная учеба, 1992. — Кн. 5–6
2. А.А. Брудный Психологическая герменевтика. — М.: Лабиринт, 1998. 336с.
3. Т.А. Винникова Особенности исследования кинотекста в различных научных парадигмах // Омский научный вестник. 2015. № 2 (136). С. 58–61
4. С.Г. Воркачев Концепт как «зонтиковый термин» / С. Г. Воркачев // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 24. М., 2003а. С. 5–12
5. В.З. Демьянков Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1989. 172 с
6. Е.С. Кубрякова В поисках сущности языка: вместо введения // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. С. 11–24.
7. В.Н. Карпухина Фрагмент анализа фрейма модальности как интерпретационной структуры для дискурса переводов стихотворения Р. Киплинга «If» / В. Н. Карпухина // Человек — Коммуникация — Текст. Барнаул, 1999. Вып. 3. С. 171–178.
8. Н.В. Кулибина Художественный дискурс как актуализация художественного текста в сознании читателя / Н. В. Кулибина. М.: Мир русского слова», № 01, 2001.
9. Лангерак Т. Анализ одного стихотворения Манделштама «Как светотени мученик Рембрандт» // Русская литература, 1993. С. 289–298
10. О.Э. Манделштам Полное собрание сочинений и писем в трех томах. М.: Прогресс-Плеяда, 2010
11. О.Э. Манделштам О природе слова // О. Э. Манделштам Полное собрание сочинений и писем в трех томах. М.: Прогресс-Плеяда, Том 2. Проза, 2010, С. 75–76.
12. Л.П. Мухаммад Моделирование дискурса в целях создания инновационных технологий обучения. Инновации и инвестиции. 2014. № 4. С. 24–27.
13. В.П. Нерознак От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма / В. П. Нерознак // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1998. С. 80–85.
14. В.А. Пищальникова Диалог культур как программа исследования когнитивных процессов в межкультурной коммуникации // Межкультурная коммуникация и перевод: материалы межвуз. науч. конф. / Сост.: Е. Ф. Тарасов и др. М.: МОСУ, 2002, с. 145–152
15. В.А. Пищальникова Эмоциональная доминанта текста: переводческий аспект // Эмотивный код языка и его реализация. Волгоград: Перемена, 2003. С. 117–120.
16. В.А. Пищальникова История и теория психолингвистики. Ч. 3. Психопоэтика. М.: АСОХ, 2010. 144 с
17. О.Ю. Стародубова Геном Гомера как механизм преодоления барьера в межкультурной коммуникации. Вестник МГЛУ серия Гуманитарные науки 2018. № 10 (803). С. 194–205
18. И.А. Стернин Моделирование концепта в лингвоконцептологии / И. А. Стернин // Междунар конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. материалов 26–28 сентября 2006 года / Отв. ред. Н. Н. Болдырев; Федеральное агентство по образованию, Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина. Тамбов: Изд-во ТГУ им Г. Р. Державина, 2006. С. 78–79.
19. К. Тарановский Пчелы и осы. Манделштам и Вячеслав Иванов // О поэзии и поэтике / Сост. М. Л. Гаспаров. — М.: Языки русской культуры, 2000. — стр. 123–164. 432 с.

© Стародубова Ольга Юрьевна (oystarodubova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»